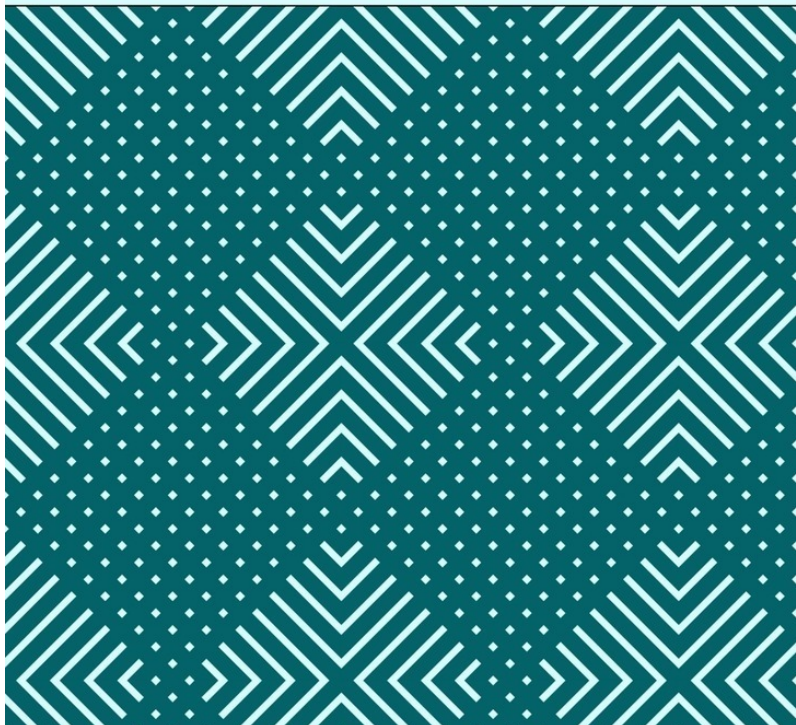

М. С. Максимов

Нищенка

Михаил Серафимович Максимов

Нищенка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507359

ISBN 9785448346910

Аннотация

В этой книге сказки про наших дорогих и любимых женщин. Разные доли, разные судьбы, разные дороги к любви и счастью. Не пройти бы мимо, не потерять то единственное, что уготовано судьбой. Сказки о детях, которые остались один на один с этой непростой жизнью. О той бескорыстной доброте, которая помогает им обрести материнскую любовь.

Содержание

Нищенка	5
Матушка-журавушка	18
Дочери Пелагеи	39
Соседи	49
Пожелания	53
Не обманывай судьбу	60
Счастье поздним не бывает	68
Елизавета	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Нищенка
Михаил Серафимович
Максимов

© Михаил Серафимович Максимов, 2016

ISBN 978-5-4483-4691-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нищенка

Две дворянские усадьбы выделялись особым убранством и роскошью в нашей округе. Жили в них родовитые бары, которые умело и рачительно вели свои дела. Так уже получилось, что их хозяйские интересы всё тесней и тесней переплетались. При этом у одного барина была дочь на выданье, а у другого – сын жених. Сама судьба толкала их на более тесное объединение, но была при этом одна загвоздка, невеста не отличалась особой красотой, а проще говоря, скорей была уродиной, чем девицей красной.

В один прекрасный день главы семейств чинно попивали чай в роскошной беседке и вели неторопливую беседу.

– Есть у меня, сосед, задумка, хочу перестроить свой молочный заводик.

– А я, сосед, землицы прикупил, подумываю об увеличении дойного стада, твой завод как нельзя кстати будет.

– Не говори, сосед, тогда бы мы могли сметану и маслице поставлять аж ко двору самого царя батюшки.

– Не об этом, любезнейший, я хотел сегодня поговорить с тобой.

– О чём же, милейший?

– Сын у меня в женихах засиделся, а у тебя дочь давно созрела.

– Всё так, дорогой, но ты же знаешь, что моя доченька

не из первых невест, вряд ли она будет по сердцу твоему Константину, начнутся ссоры, упрёки, а мы с тобой должны их счастливыми сделать.

– Будут богаты, счастье само придёт.

– Не говори, сосед, а вдруг не придёт? Ты пойми меня правильно, лучшей доли для моей дочери я бы и желать не хотел, да и дела наши пошли бы ещё успешней, а вот что с этими сомнениями делать, ума не приложу.

– Ну что же, если тебя беспокоит только это, попробуем всё уладить, ты только не перебивай меня, пожалуйста, – он посмотрел по сторонам и продолжил. – Мне удалось заполучить в своё имение одну забавную старушку, она многое может, я с ней уже говорил, поможет и нашему горю, сделает твою дочь красавицей. Если сомневаешься, я позову её, поговоришь с ней сам, а уж потом и решишь.

Они позвали старушку, долго беседовали с ней, затем распрощались, лица их выражали полное удовлетворение состоявшейся беседой. Через семь дней бары вновь встретились и поехали на мельницу. К полуночи привезли туда старушку и крепостную девку, которую звали Миланой. Барин приказал девушке раздеться. Они уселись с гостем на широкую лавку и стали смотреть.

Милана трясущими руками развязала завязки и стала скидывать с себя одежду. А куда деваться было, барин – хозяин, может раздеть, может продать, может собаками затравить.

– Мой голову в этом корыте, – приказала старуха, – вот

так, а потом в этом. Она бросила во второе корыто какую-то шерсть, произносила непонятные слова и кружилась вокруг несчастной девушки.

После мытья её заставили дышать едким дымом, затем старуха натёрла груди какой-то мазью, а спину долго хлестала веником из еловых веток со змеиными хвостами. И пока с ней проделывали разные процедуры, в самом верху мельницы кто-то невидимый зло и противно хохотал. Когда несчастная Милана упала без чувств на прохладный пол, старуха окатила её из ведра вонючей жидкостью, прокричала какие-то слова так, что бары в страхе закрылись от неё руками.

– Ну, вот и всё, – произнесла, наконец, она хрипучим и жутковатым голосом, – через неделю она станет страшилищем, а молодая барыня красавицей.

Господа встали, один из них брезгливо бросил старухе пачку денег и произнёс:

– Этих денег тебе хватит, чтобы убраться из наших мест и больше здесь не появляться. Через неделю я о тебе чтобы больше не слышал, а тебя не видел.

Старуха взяла деньги и поклонилась господам.

Явились слуги, которые привели в чувство Милану, заставили её одеться, усадили на дровни и укатали в сторону леса. Там они передали девушку леснику, угрюмому и нелюдимому мужичку лет под пятьдесят, наказали строго настроено стеречь её до особого распоряжения.

Прошло четыре дня, и начали с девушкой происходить ужасные вещи. Стала она утром умываться, волосы с головы так и попадали, проплыла дымка перед глазами, и нет уже ни косы девичьей, ни локонов золотистых. Глянула в воду и увидела, что вместо них торчит ужасного цвета щетина, чуть в обморок не упала. А на голове у неё в один миг выросла козья шерсть, колдунья её во второе корыто бросала.

Хотела она закричать, но голос пропал, опять дымка перед глазами, а когда она исчезла, вырвался изо рта хрип, который походил на свиное хрюканье. Исчезли налитые девичьи груди, вместо них болтались какие – то соски. На следующий день потемнело девичье лицо, вместо её носика на нем красовалось что – то бесформенное, которое с трудом можно было и носом-то назвать. А уж когда её спина изогнулась, как у древней старухи, встала она на колени перед лесником и стала умолять его своим ужасным голосом, чтобы избавил он её от таких мук и отдал на растерзание зверю лютому.

А тут и слуги барина прибыли. Увидели они уродину, рассказали с докладом к господину.

Вернулись через день, передали указание леснику, чтобы он отвел ее в глухой лес, привязал к дереву, пусть звери дикие полакомятся.

Взял лесник верёвку и повел девушку в лес. Шли они долго, иногда им приходилось продираться сквозь кусты колючие, пробираться через место топкое и жуткое. Наконец вышли они на поляну. Лесник остановился, перевёл дух.

– Дальше пойдёшь одна. Вот тебе котомка с коркой хлеба, репой печёной, да луком зелёным. Пойдёшь вон на тот холм, а там деревенька убогая, за ней пять дорог в разные стороны, иди по той над которой солнце взойдет, уйдёшь из наших краёв, назад не возвращайся, узнает барин ни тебе, ни мне голов не сносить.

– Куда же я такая, дедушка?

– Иди милая, если судьба тебе жить, авось всё ещё и обрзуется.

И побрела она дорогой неведомой, изредка утирая слёзы. Деревню она ночью прошла, а к утру добрела до развилки дорог. Посмотрела, над которой из них солнце встало, перекрестилась и пошла по ней в свою новую безрадостную жизнь.

Зато у бар всё хорошо складывалось. Молодых, не мешкая познакомили. Барыня преобразилась. Волосы у неё были золотистые, носик аккуратный, походка важная, кожа белая. Не всё это гармонировало между собой, но кто на это внимания обращал, когда такие прибыльные дела впереди маячили. Свадебку справили, не мешкая, и зажили молодые богатой и сытной жизнью.

А Милана, обходя деревни стороной, уходила всё дальше и дальше от родных мест. Скучные припасы кончились, а одними ягодами сыт не будешь, и пришлось ей зайти в одно большое село. Её ужасный вид, изрядно потрёпанная одежда, отпугивали людей. Она хоть и старалась укутаться в свои лохмотья, но это не очень-то помогало. День был выходной,

многие жители шли в церковь. Пошла к церкви и Милана. Несколько нищих сидели у ограды, большая часть у входа. Милана пристроилась поодаль от них, хоть какое-нибудь подаяние в виде куска хлеба было для неё в данный момент самым сокровенным желанием. Люди проходили мимо, в её котомку никто ничего не бросил. Она хотела уже уйти, хотя сил подняться почти не было, но в это время две монетки упали к её ногам.

Она перекрестилась и осторожно подняла их.

– Видишь, крестится, а ты говоришь ведьма, – произнёс женский голос, – мается горемычная, за что только её всевышний наказал?

Женщины ушли, но долго быть ей в одиночестве не пришлось.

– Кто ты такая? – спросила её одна из нищенок.

– Такая же, как и вы.

– Чего измождённая такая?

– Идти долго пришлось.

– Да, небогатый сбор у тебя, но так и быть, продам тебе хлебушка, сальца немного, ты не против?

– Нет, нет, я очень есть хочу.

Нищенка забрала медяки, дала ей несколько кусков хлеба, немного сала, подумала чуток и положила в котомку луку и два яичка.

– Ну вот, на твои гроши с лихвой будет. У церкви ты много не насобираешь, ходи по деревням, люди у нас бедные,

но умереть с голоду не дадут, – посоветовала она Милане.

Та и послушалась её совета. Пришла в одну деревню, постучалась в дом. Дверь не сразу открыли, она уже уходить собралась, но сердитый голос остановил её.

– Нищенка это, а не Лукерья, уходи, уходи, не до тебя нам, – мужчина замахал на Милану рукой.

Она повернулась и пошла к другому дому.

– погоди, – остановила её старуха, – на сына не сердись, невестка разродиться не может, на вот возьми, – она протянула кусок хлеба и две луковицы, которые Милана взяла и положила в котомку.

– Помолись за бабу, может, полегчает ей?

Милана отошла от дома, перекрестилась сама, потом перекрестила дом, низко поклонилась и удалилась.

Она не слышала, как раздался в том доме детский крик, не видела, как старуха усердно молилась на образа, как счастливый отец благодарил господу за сына, третьего в семье после двух девок.

Было лето, Милана не испытывала особой нужды в ночлеге. Сядет у ручья, попьёт водички, съест свой скудный сбор, да и заночует в каком – ни будь стожке. А собирала она ровно столько, сколько ей надобно было на пропитание в этот день. Стучалась она в двери только бедных людей, богатые дома старалась обходить стороной. Но в одной деревне постучалась в добротные тесовые ворота.

– А, нищенка, подожди я сейчас, а ты зайди в двор-то.

Вышел он быстро, подал ей калач, несколько яиц, капусту квашеной немного, горсть леденцов и небольшую связку баранок. Милана взяла калач, одно яйцо, капусту от, остального отказалась. Отошла от дома, помолилась, перекрестила дом, низко поклонилась и ушла своей дорогой. А у хозяина сын при смерти был. Лекарь приезжал, посмотрел на парня, дал каких-то порошков, взял деньги и укатил в город. Хозяин был хоть и зажиточный, но плохого людям он не делал. Работать заставлял до пота, но работников не обижал, платил им больше, чем платили другие. Деревня эта не принадлежала барам, когда-то они откупились от барина, который промотал в своё время всё своё состояние, были вольными, но такими же бедными, как и их соседи.

Милана ушла, а сыну хозяина полегчало. Спал жар, он перестал бредить во сне, а утром следующего дня, на удивление всем, пришёл в себя.

Люди заметили, к кому нищенка придёт за подаянием, обязательно в доме случится что-то хорошее. А уже после того, как она у одного бедняка лошадь от падежа спасла, её ждали в деревне с надеждой и особой верой. Что там говорить, нужда редко, какой дом обходила.

Кончилось лето, пришли прохладные дождливые дни. Сердобольные селяне старались подать нищенке что-то из одежды, просили её остаться на ночлег. Милана брала кое, какие вещи, но самые скромные и уже поношенные. Какое-то время ночевала в сараях или банях, но с приходом

заморозков, положение её стало совсем плачевным.

Брела она как-то через лес, присела отдохнуть на упавшее дерево, достала из котомки кусок хлеба, луковицу и хотела перекусить немного. Видит, идёт по дороге мимо старичок. Приблизился к ней, остановился.

– Не угостишь хлебушком, молодушка?

– Садись, дедушка, чем богаты, тем и рады, угощайся.

Пожевал старичок с ней хлебушка, запил водичкой родниковой.

– Добрая ты, молодушка, спасибо тебе за хлеб и соль, а куда путь держишь?

Махнула Милана рукой в сторону леса и опустила голову.

– Домик у меня недалече, пошли со мной, зиму переживешь, да и по хозяйству поможешь, а там видно будет, что тебе делать?

Пошла нищенка за старичком. Домик оказался действительно не далече. Правда домом назвать его можно было с натяжкой, скорее это была полуземлянка, но очень уютная, тёплая и просторная.

– Об одном у тебя прошу, – сказал старичок, – ходи молиться за ручей.

Так она и осталась у старичка. Днём ходила за подаяньем, вечером прибиралась в домике, готовила нехитрую еду.

Прошла зима, затем весна, снова наступило лето. В этом году жаркое оно выдалось. Дождей с середины весны не было, на полях всё сохнуть стало. Особенно тяжело приходи-

лось в деревне, которая была расположена на пригорке. Вода в колодцах пропадать стала, даже скотину нечем поить было.

– Голод будет, – поговаривали мужики, – вымрет село.

– Нищенку бы позвать, может, помогла бы чем? – предложила одна женщина.

– Позвать-то можно, но поможет ли? – высказали сомнения другие.

Только звать Милану не пришлось, она сама появилась в деревне.

Люди выносили всё, что только у них было наготовлено. Милана взяла, как всегда, скромное подаянье, помолилась, поклонилась деревне и ушла в свой лес. К вечеру над деревней зависла чёрная туча, а потом такой ливень обрушился, что все ямы и ухабы до краёв наполнились водой. Появилась она и в колодцах, ожили посевы, веселее защebetали пташки.

После этого случая весть о ней разнеслась далеко за пределы этой округи.

– Пришла, молодка, – встретил её однажды старичок, – садись, поговорить надо.

– Приберусь, дедушка, потом поговорим.

– А ты садись, садись, не перебивай старого человека. Так вот, изуродовала тебя моя старшая сестра, но помочь тебе ещё можно.

Я зелье сварил, если им побрызгать возле той барыни, которая украла у тебя твою красоту, ты опять станешь прежней, а барыня эта скоро в наших края будет.

Сердце у Миланы часто, часто застучало. Она же была такая красавица, парни на неё засматривались, собирались идти к барину за разрешением на женитьбу. Нравился ей местный кузнец, рослый, красивый, а уж сильный какой, прижмёт на гулянке к груди, аж дыханье перехватит.

– Помни, только в этом году зелье тебе поможет, потом надо будет ждать ещё аж двадцать лет.

Взяла Милана склянку с жидкостью, прижала к груди. Неужели ещё ей счастье сможет улыбнуться, неужели сбросит она эту ужасную внешность.

А барыня приехала в их края не случайно. Болел её сын, единственный наследник неизлечимой болезнью, жить ему оставалось совсем не много. Прослышала она про нищенку, собралась немедленно в дорогу. Накупила разных сладостей, одежды всякой, денег с собой много взяла.

– Не пригодится всё это, – сказала служанка, – не берёт нищенка такие подаяния.

– Что же делать?

– Испеки хлеб сама, наквась капусты, яблочек нарви румяных из сада, может, смилостивится и возьмёт у вас подаяние.

Так барыня и сделала. Печь хлеб и квасить капусту ей помогали, но делала она всё это своими руками. Когда приехала в эти края, наняла скромную повозку и поехала по деревням.

И вот они встретились. Милана сразу узнала свои волосы,

груди, лицо, девичий стан. А барыня смотрела на нищенку с такой тревогой и надеждой, что не замечала ни уродства, ни взгляда осуждающего.

– Милая, возьми подаяние, помоги сыну моему, единственный он у меня, больше не будет детей, сжался надо мной.

А у Миланы склянка в руке с зельем, плесни, и станут девичьи грёзы реальностью, начнётся другая жизнь, расцветёт опять молодость разнотравьем весны да многоголосием птичьим.

Опустилась барыня на колени.

– Мать я, не выдержит материнское сердце потери сына, сжался, прими подаяние. Хочешь, жизнь мою возьми, богатство и роскошь, всё возьми.

– Подожди барыня, я вернусь сейчас.

Отошла она за кустики, ручей там протекал, вылила содержимое склянки в ручей, вздохнула тяжело, перекрестилась и вернулась к барыне. Подошла, поклонилась ей, взяла подаяние. Барыня хотела ей что-то сказать, но Милана остановила её жестом, отошла, перекрестилась, потом осенила крестным знамением барыню, низко поклонилась, повернулась и пошла прочь.

Барыня сделала шаг в её сторону, но служанка остановила её. Они стояли и смотрели на удаляющуюся фигуру бедной нищенки, вот скрылась она, а сил пошевелиться не было.

– Барышни, садитесь, ехать надо.

Барыня наклонилась, взяла горстку дорожной пыли со следа нищенки, вытащила платочек, не спеша, завернула её и спрятала на груди.

Прошло время. Сын у барыни поправился, стал генералом, честно служил царю и отечеству, заботился о воинах своих, о нём даже легенды слагали, а имя его до сих пор помнится.

Барин своим крепостным вольную дал. Каждое воскресенье он ходил с барыней на службу, при себе они имели всегда горсть медных монет, которые раздавали нищим.

О Милане они больше ничего не слыхали. Говорили, что подалась она в какие-то дальние края, то в одной стороне она якобы объявлялась, то в другой, но эти сведения были скорее вымыслом, чем правдой.

Пропал куда-то и тот старичок. Развалины дома люди долго обходили стороной, боялись всё чего-то.

А вот ручей, в который Милана зелье вылила, превратился в небольшую речушку. Вода в нём чистая и прохладная, а рыбы-то столько развелось, лови, не хочу. Не раз в лихие годы спасала она людей от голода. А уж, какие ивы раскидистые на берегу росли, ветки до самой воды, словно косы девичьи. А по утрам с листьев капельки воды в речку стекают, не зря люди прозвали её плакучей. Сходите, посмотрите на зорьке, только не пробуйте на вкус эти капельки, мне они солоноватыми показались!

Матушка-журавушка

Дом, в котором под присмотром нянечек проживали маленькие ребяташки, был расположен на самой окраине небольшого городка. С одной стороны от дома начинался сосновый лес, который тянулся километров на двадцать. С другой стороны – дорога, которая вела к небольшому озеру, в котором дети не только купались, но и ловили рыбу. За домом было болото, на котором кое-где росли небольшие деревья, да между кочек поблескивала водичка. Жила в этом уютном доме семилетняя девчушка, которую звали Танюшей. Она мало чем отличалась от других девочек, бегала, играла со всеми вместе, как и все нарушала, иногда, установленный в доме порядок, за что ее нестрого наказывали. Один раз они с подружкой забрались на крышу небольшого сарая и прыгнули с нее на землю. На сей раз наказали их более строго, запретили два дня выходить на улицу.

Сидят они в комнате, смотрят в окошко, скучно. Зашла к ним нянечка, бабушка Шура, так все ее звали и очень любили за то, что она всегда детям что-то рассказывала интересное.

– Ну что, проказники, сидите? Зачем прыгали с крыши, а если бы ноги поломали?

– Не поломали же, да там и невысоко вовсе, – ответила подружка.

– Бабушка Шура, расскажи нам что-нибудь, ну пожалуйста, – попросила Танюша.

– Еще чего, вы озорничать будете, а я вам рассказывать за это сказки должна?!

Но девчушки стали ее упрашивать, и бабушка Шура сда-лась.

– Прямо и не знаю, что вам такое рассказать? Были бы родители ваши тут, они бы вам такую трепку устроили. Эх, пташки вы мои сердешные.

Она села на кровать, подправила волосы под платок.

– Бабушка Шура, а вы расскажите, где наши родители? – попросила Танюшка.

– Откуда мне знать, может их журавли забрали, а может, затерялись на дальних дорогах. Всякое в этой жизни бывает.

– А как это, журавли забрали? – спросила Танюшка.

– Известно как, вот послушайте...

И бабушка Шура рассказала им только ей одной знамую сказку.

– Засиделась я с вами, – сказала она, когда закончила рассказывать, – а у меня столько еще дел.

Бабушка Шура встала, погладила девчушек по головкам и пошла, делать свои дела.

– Враки все это, – сказала подружка и легла в кровать, – хоть бы обед скорее настал, есть что-то захотелось.

– И совсем не враки, – возразила Танюшка, – где же тогда они, почему не приходят за нами?

– Бросили они нас, забыли, сейчас живут где-нибудь в большом городе, едят каждый день конфеты и мороженое, ходят в кино.

– Ты все врешь, моя мама никогда бы меня не бросила, ее журавли увели и заколдовали, – резко возразила Танюшка.

Что поделаешь, она была очень доверчивой и верила всему, что ей говорили.

Подружки, наверное, поссорились бы, но их позвали на обед.

Ночью Танюша ворочалась в постели, долго не могла заснуть. А когда заснула, ей приснился сон, в котором она видела женщину, которая спешила к ней, но ее не пускали журавли. Она закричала во сне, а когда проснулась, тихонько заплакала.

С этого дня Танюшку словно подменили. Она стала не такой подвижной, часто замолкала и подолгу смотрела из окна на болото. Когда к ним приехали гости и привезли разные игрушки и сладости, она не стала, есть конфеты, спрятала их в свою тумбочку. На другой день дети пошли на прогулку, она тайком убежала к железной ограде, которая отгораживала их дом от болота.

– Журавушки, журавушки, отдайте мою маму, – говорила она не очень громко, – я отдам вам за это мои конфеты. Отдайте, пожалуйста.

Она бросила конфеты в сторону болота сквозь железные прутья ограды и все умоляла и умоляла журавлей вернуть ее

маму. К вечеру у нее поднялась температура, и ее поместили в комнату для больных. Только через три дня она вернулась к подружкам. На очередной прогулке Танюша вновь пошла к ограде. Конфет за оградой не было.

– Журавушки, вы взяли конфеты, вы отдадите теперь мою маму?

Она смотрела на болото сквозь прутья и пыталась увидеть там ту, которую никогда не видела и не знала. Нянечка Шура увидела Танюшку у ограды и строго окликнула ее.

– Ты что тут делаешь? Кто тебе разрешил уходить от ребят и подходить к болоту?

– Бабушка Шура, но я ничего плохого не сделала, я только подошла к ограде.

– А зачем ты подошла? Почему ты не играешь со всеми детьми?

Танюша стояла, опустив голову и готова уже зарыдать, но нянечка обняла ее за плечи и прижала к себе.

– Тебя, наверное, обидели?

– Нет, меня никто не обижал.

– С тобой не хотят играть?

– Нет, это я не хочу играть.

– Ну, пошли, пошли к ребятам, крошка ты моя ненаглядная.

– Бабушка Шура, можно я еще немного тут постою, я ничего плохого не делаю.

– Пошли, пошли, завтра еще придешь.

Она легонько подтолкнула Танюшку в спину, и они пошли в сторону игровой площадки.

А на болоте испокон веков селились журавли. Тянулось оно на много километров, и было почти непроходимое для людей. Даже клюкву собирали на нем лишь в засушливые годы, да и то только по краешкам. Несколько лет выводила на этом болоте своих птенцов журавушка, так кликал журавль свою подругу, а в этом году пришли беды, да такие, что и жизнь немила стала. Погиб ее верный спутник, а потом сгинули и журавлята. Бродит несчастная по болоту словно тень, будто смерть ищет. Даже людей бояться перестала, близко к дому стала подходить. Стоит однажды за кустиком и видит, как девчушка за ограду конфеты швыряет и что-то очень жалобно просит. И повеяло от нее чем-то знакомым, тоской какой-то общей. Ушла девчушка, а она к вожаку полетела и рассказала ему про все.

– Ты мудрый, даже людей понимаешь, помоги, объясни, что этой малышке надобно? – попросила она.

– Тебе, зачем это, думай о том, как нового журавля заиметь, да птенцов на следующий год вывести, а люди сами разберутся и без тебя.

И в следующий раз она увидела на том же месте девчушку, и снова какая-то тревога тронула ее сердце. Полетела к вожаку опять с просьбой, чтобы он объяснил ей все. Вожак хоть и строгий был, но многое понимал в этой жизни.

Жалел он журавушку, понимал её горе, сам многое испы-

тал, терял и подруг и птенцов, но вынес все, поэтому и был единодушно признан вожаком стаи.

Прилетели они к ограде, укрылись за кустиками и стали ждать. Не сразу, но все же пришла Танюшка к ограде. Встала у железных прутьев и давай мать звать. Рассказал вожак журавушке, что просит ребенок, бочком, бочком за кустики и улетел. Протянула Танюшка ручки к болоту, не выдержала журавушка, вышла из-за укрытия, увидела ее Танюшка и закричала:

– Матушка родимая, матушка родимая, возьми меня!

А тут уже люди бегут к ней, взмахнула журавушка крыльями и улетела. И опять к вожаку с просьбой:

– Не могу видеть страдания несчастной, помоги, сделай ее журавленком, ты мудрый, ты умеешь это делать.

– Я могу только по доброй воле сделать ее журавленком, без этого мои чары не действуют.

– Тогда сделай меня человеком, я этого хочу.

– Одумайся, журавушка, ты птица, не жить тебе без неба и простора.

– Зачем мне такая жизнь, я для этой девчушки жить буду, а без этого мне все едино не в радость ни небо, ни воля, сделай, вожак, жалеть не буду!

Она опустилась на влажный мох, склонила головку перед вожаком.

– Не сделаешь, убей меня своим клювом.

– О, небо, что же это происходит, разве мало нам зла сде-

лали люди, скольких из нас они убили, скольких согнали со своих мест, а сколько еще бед нам предстоит испытать от них?!

– Вожак, ты мудрый и понимаешь, что за зло не платят злом, отпусти к людям.

– Ну, хорошо, будь, по—твоему, лети на край болота.

Она покорно поднялась в небо, сделала три круга и опустилась на твердую землю. Вожак прилетел не сразу. Он аккуратно приземлился рядом и опустил на землю кулечек из бересты, наполненный какой-то жидкостью.

– Журавушка, ты не передумала? – спросил он суровым голосом.

– Вон небо, в него тебя больше не поднимут крылья, в этом болоте у тебя больше не выведутся птенцы, ты не полетишь в теплые края, ты не будешь возвращаться сюда вместе со стаей.

– Я решила, вожак, делай свое дело.

Он обрызгал ее жидкостью из кулечка, заставил сделать несколько глотков, обошел ее три раза, взмахнул крыльями, поднялся на несколько метров над землей, облетел ее и вновь опустился на землю.

– А теперь стряхни перья, журавушка.

Она расправила крылья, взмахнула ими, но в небо они ее больше не подняли, а вот перья посыпались с них и закружились на ветру. Потом она потрянула головой, затем телом и осталась без перьев. В следующий миг она стала увели-

чиваться в размерах, появились ноги, руки, женская голова, а еще через мгновение перед вожаком стояла еще молодая раздетая женщина.

– Ну, вот и все, – произнес вожак, а теперь подними пять перышек, брось одно из них и произнеси: Пусть люди примут меня!

Она бросила перышко, произнесла эти слова, на ней появилась одежда и узелок с вещами.

– Брось второе перышко и произнеси: Пусть я буду уметь делать то, что необходимо мне для жизни среди людей.

Она выполнила его распоряжение.

– Тебе понадобится жилье и занятие, которое будет обеспечивать тебя пищей, используй третье перышко. Тебе надо будет, учить и растить девочку, на это есть четвертое перышко. И запомни еще одно, если твоя любовь будет настолько сильна, что ты, не задумываясь, отдашь за девочку свою жизнь, то ты погибнешь.

– Вожак, а есть еще одно перышко, для чего оно?

– Ты храни его, может оно тебе пригодится, а если не пригодится, то будет напоминать о нас, а мы тебя не забудем.

– Вожак, как я могу забыть свою стаю, в ней мои бывшие птенцы, а сейчас красавцы журавли, как я могу забыть тебя, мудрого, доброго и хранящего всю стаю при дальних перелетах, как я могу забыть небо?!

– Спасибо за все, лети в свое гнездо, а я пойду своей дорогой.

Когда Танюшка увидела журавля и закричала, ее услышала нянечка Шура и воспитательница, они сразу подбежали к ней.

– Что с тобой, милая, что ты кричишь?

– Матушка там моя, матушка, я ее сама видела.

– Успокойся, солнышко, нет там твоей матушки, да и быть не может.

– Бабушка Шура, ты же сама нам рассказывала, что журавли околдовали мою маму, там она, я сама ее видела.

Танюшка расплакалась и уцепилась ручонками за прутья ограды.

– Глупенькая, да мало ли чего я наговорю, сказки все это, а ты не сердчай на глупую старуху, пошли к ребятам.

Танюшка не захотела играть со всеми на улице и ушла в комнату. Она легла на кроватку и отвернулась к стене. За ужином она почти ничего не ела, не пошла на занятие в кружок, сидела у окна и смотрела на дымящееся туманами болото. На другой день ее осматривала тетя в белом халате, но ничего плохого в ней не обнаружила. Перед сном подружки посмеялись над Танюшей за то, что она верит в сказки, а потом махнули на нее рукой и улеглись спать.

Танюшку к ограде больше не пускали, а чем-то другим заниматься она не хотела. Нянечке Шуре сделали замечание за то, что она рассказывает детям разные небылицы.

– Ничего, пройдет несколько дней, все и успокоится, решили взрослые. А пока надо девочку чем-то отвлечь, лучше

всего свозить на экскурсию. Такое решение было принято заведующей, которое всем понравилось. Но события начали развиваться по иному сценарию.

Ближе к обеду к заведующей пришла женщина и заявила, что у них проживает ее дочь, которую зовут Танюшей. Они закрылись в кабинете и долго о чем-то там разговаривали, потом позвали Танюшку. Заведующая вышла из кабинета и оставила их одних.

– Здравствуй, дочка, я твоя мама.

– Моя мама на болоте, я сама ее видела, а ты чужая тетя.

– А кому ты конфеты приносила, а как просила журавлей расколдовать меня и вернуть к тебе, а когда я вышла из-за куста, а ты стала меня звать, но пришли люди, и я улетела, ты забыла?

Танюшка смотрела широко раскрытыми глазами на незнакомую женщину всего какой-то миг, потом бросилась к ней, обняла за шею и тихо заплакала. – Матушка, моя матушка, – только и произносила она сквозь всхлипывания.

– Успокойся, милая, теперь мы вместе, и никто нас больше не разлучит, никто, ты слышишь?

Оформление всех бумаг, на удивление, заняло немного времени. Счастливые мать и дочь покидали этот хоть и гостеприимный, но все же казенный дом.

А на другой день воспитателям и нянечкам пришлось кого силой, а кого и уговорами отгонять от железного забора. Теперь уже никто не сомневался, что журавли могли забрать

и околдовать и их мам.

Они шли в новую жизнь, как во сне. Матушка потихоньку бросила перышко и прошептала: «Пусть у нас будет свой кров и дело, которое даст нам пищу!» Перышко полетело, они пошли за ним. Прошли они совсем немного, их подобрал попутный извозчик и довез до одной из деревень. За очень умеренную плату матери предложили дом на окраине деревни, который сразу им понравился.

Нашлась работа матушке, ей предложили место учительницы биологии и географии в местной школе. Они в тот же день пришли к директору школы.

– Принимайте нас обеих, – с улыбкой сказала матушка директору, – мы Журавлевы, это моя дочь Танюшка.

– А это моя матушка-журавушка, – вставила Танюшка.

– Раиса Ивановна я, – рассмеялась мать, – а для нее матушка, да и только.

С тех пор в деревне так и звали ее журавушкой, но она не обижалась, даже рада была такому прозвищу.

Люди в деревне оказались хорошие, кто картошку принес, кто яблок, кто овощей и яиц, молоко у соседки договорились покупать. Не было проблем с ремонтом, дровами и прочими хозяйскими делами. Журавушка сама все умела делать и быстро, и хорошо. Танюшка постоянно старалась ей помочь, да и местные мужики в помощи не отказывали.

Одна беда была в деревне, не было медицинского обслуживания. Медпункт был, но фельдшера в нем не задержива-

лись, побудут месяц другой, и прочь из деревни. А дорога, особенно зимой, зачастую непроезжей была, а болезнь что, она время не выбирает. Вот и случилась беда с одним мальчишкой. Наелся он в лесу каких-то ягод и отравился. Вызвали скорую, но дожди сильные прошли, да и расстояние до райцентра не малое, когда она до доберется, не выживет малец. Новости по деревне быстро разносятся, долетели они и до Журавушки.

– Пойду, посмотрю, что там, а ты, дочка, посиди дома.

– Нет, мама, и я с тобой.

Так и увязалась за матушкой. Пришли к дому, а там собрались женщины и охают, не выжить мальцу, уже синеть стал. Зашла журавушка в дом, посмотрела, а дело и впрямь принимало нехороший оборот. Спросила, какие ягоды он ел, ей показали. Ни слова не говоря побежала к дому, нарвала травы разной, заварила и быстро назад. Кое-как влили в рот больному настой из трав, и проглотить заставили. Через некоторое время стошнило парнишку, немного легче ему стало. А журавушка уже другой настой приготовила, снова напоила им беднягу. Когда добралась скорая, больной спал спокойным сном.

С тех пор стали люди не скорую вызывать, а к журавушке со своими болячками ходить. Никому она не отказывала, всем помогала, Даже врачи из райцентра приезжали к ней за советом, уж больно необычным было ее лечение.

– Я ж ботаник, – шутила она, – как мне не знать травы да

коренья?

А Танюшка вообще не отходила от матушки. Она коренья собирать, Танюшка следом, мать дом прибирать, Танюшка тоже, обед готовить, так она и тут под ногами вертится, даже спать без нее не ложилась. А уж когда начались занятия в школе, о журавушке вся деревня с особым уважением заговорила. Дети от нее были просто в восторге. Она так интересно рассказывала, что даже самые отъявленные бездельники сидели и слушали, раскрыв рот. Особенно всем нравились уроки в школьном саду или на опушке леса. Словно в иной мир открывала она ученикам дверь. Они знали, какую пользу приносит тот или иной цветок, как он борется за свою жизнь и что будет, если его вдруг не станет. Директор школы не раз удивлялся:

– Раиса Ивановна, откуда вы берете весь этот материал, ни в одном учебнике его нет, даже в научных трудах что-то из ваших уроков не могу найти?!

– Из жизни, из жизни этот материал, надо лучше смотреть вокруг себя.

– А по географии такое ощущение, что вы сами по всем местам прошли, такие подробности и впечатления можно испытывать, только побывав в этих краях.

– Я же журавушка, летала, смотрела, – шутила она.

Наступило время улетать журавлям в теплые края. Танюшка стала замечать, что матушка погрустнела и все чаще и чаще с тоской смотрит в голубое небо. А осень выдалась

в том году погожая, дождей почти не было. И стало ей тревожно за свою матушку, а вдруг уведут ее журавли с собой в далекие края?

– Пойдем, дочка, по округе побродим, – предложила журавушка, – выходной день сегодня, да и погода изумительная.

– Я не хочу гулять, давай лучше дома уборку сделаем.

– Чисто у нас, убирать-то нечего, объясни, почему ты не хочешь выйти на улицу?

– Мама, я боюсь журавлей, а если они тебя вновь заколдууют и заберут с собой? Я умру без тебя, слышишь, мама?!

– Какая ты у меня глупенькая, журавли добрые и красивые птицы, они не могут никого заколдовать и забрать с собой.

– Но тебя они забрали когда-то?

– Да нет, не они меня заколдовали. Придет время, и я расскажу тебе все, все, а сейчас собирайся, пойдем провожать их в дальнюю дорогу.

Они быстренько оделись и пошли по дороге к скошенным полям. Было очень тихо и почему то грустно.

Наконец в небе появился клин летящих журавлей. Вот они все ближе и ближе, потом опустились к земле и пролетели над головами застывших Танюшки и журавушки.

– Милые мои, счастливой вам дороги, возвращайтесь целыми и невредимыми, – шептала журавушка и махала в след улетающему клину своей косынкой.

И словно бы в ответ, журавли ответили своим неповтори-

мым и завораживающим курлыканьем. И замолчало все кругом, застыло на какое-то мгновение. Словно бы и поля, и луга, и леса, и деревня посылали им в след свои пожелания.

Танюшка прижалась к матери и едва не зарыдала, но что-то доброе и тревожное остановило ее. Она уже не боялась этих удивительных птиц, она желала им возвратиться скорее в родные места.

– Мама, они улетели.

– Улетели, доченька, сейчас пойдем домой.

– Ну, они же вернутся, правда, мама?

– Вернутся, но не все. Часть из них погибнет в штормах и ураганах, часть не вынесет трудной дороги, а некоторых подстрелят люди, да разве мало испытаний на их пути?

– Мама, а тебя тоже могли убить?

Журавушка через силу улыбнулась, потрепала дочурку по голове.

– Вон ты о чем, ну-ка выбрось эти мысли из своей головушки, нельзя в след журавлям посылать плохие думы.

– Я не буду, мама, честное слово, больше не буду.

Они медленно брели к дому по пыльной дороге, думая каждый о своем.

И полетели дни за днями, недели за неделями, весна за зимами, а годы за годами. Танюшка окончила школу, выросла и стала красивой девушкой. Многому ее научила журавушка, много любви и душевной теплоты вложила в ее воспитание.

– Мама, я пойду учиться на врача, – сказала она однажды

матери.

– А как же биология? – удивилась журавушка.

– Прости, мама, но лечить людей мне больше нравится, в этом мое призвание.

– Ну что ж, ты уже взрослая, твое решение мне тоже нравится.

Танюшка обняла мать и поцеловала в щеку.

– Ну и хитрая ты, знаешь, чем мать задобрить, пойду, испеку твои любимые пончики.

– Не сейчас, мама, пойдем в лес, соберем там травку, подышим лесным воздухом.

– Хорошо, моя славная, пойдем в лес.

Они шли по дороге и все говорили и говорили.

– Все ничего, но как я буду жить вдали от тебя, мамочка!?

– Глупенькая, не ты первая, не ты последняя, все птенцы вылетают когда-то из гнезда.

– Мама, ты мне обещала рассказать о том, как ты попала к журавлям, расскажи сейчас.

– Хорошо, придем домой, расскажу.

Неизвестно, толи день выдался такой хороший, толи настроение у матери с дочерью было отличное, но сбор трав и кореньев у них выдался на редкость удачным.

– Матушка, посмотри, что я нашла, – кричала дочь, – мы в прошлом году так и не смогли найти этот цветок.

– Танюша, иди скорее сюда, какой корень мы сейчас выкопаем, я думала, что в наших краях такие растения вообще

не растут.

В скорости их корзинки оказались доверху заполнены разными цветами, кореньями и травами.

– Давай отдохнем, – предложила мать.

– Кто бы был против, я только за, – смеясь, ответила дочь.

Они расположились на небольшой полянке, уселись на мягкую траву, достали нехитрую еду, чтобы перекусить. В это время налетел порывистый ветер на лес.

– О, как деревья закрипели, – сказала журавушка.

– Мама, смотри, что я там увидела!

Танюшка вскочила и побежала к небольшому бугорку, на котором виднелись скромные цветочки. Она наклонилась над ними, а в это время резкий порыв ветра налетел на лес, старая, высохшая сосна не выдержала и стала падать. Журавушка вскочила и бросилась к дочери. Она свалила ее на землю, закрыла своим телом. Еще миг и огромное дерево с треском рухнуло рядом с ними.

– Кажется, пронесло, – произнесла журавушка и медленно встала.

– Матушка, ты не пострадала?

– Да нет, успокойся, милая моя.

Они встали, отошли от упавшего дерева, отряхнулись. Но что это, последнее перышко, которое журавушка всегда носила с собой, стало теплеть у нее на груди. Она вспомнила предсказание вожака.

– Так вот для чего носила и берегла я перышко, оно унесет

меня в невозвратную даль, а как же дочь?!

Мысль о том, что дочь останется вновь одна, словно пламенем обожгла ее сердце. Она увидела ту ограду, маленькие ручонки, которые тянулись к ней, услышала жалобный голосок, который просил журавушек вернуть ей ее маму.

– Бедняжка, как она переживет мой уход, не согнет ли, не сломит ли он ее?

А перышко уже стало горячим, оно рвалось на волю. Журавушка прижала его ладонью к груди и отошла от дочери на несколько шагов.

– Доченька, ты должна дать мне обещание.

– Какое, матушка?

– Ты обязательно станешь врачом, ты будешь лечить людей, создашь свою семью и будешь жить счастливо.

– Мама, тебя задело дерево?

Она хотела броситься к журавушке, но та остановила ее и продолжала:

– Если ты меня хоть немножко любишь, дай такое обещание.

– Мама, о чем ты говоришь, я без тебя...

Но журавушка не дала ей договорить.

– Дай обещание, слышишь, я требую!

– Мама, я даю такое обещание.

– Помни эти слова. Помни, чтобы не случилось, помни как память обо мне. Нарушишь, забудешь меня, помни, забудешь!

Она отняла руку от груди, горячее перышко вырвалось наружу, дымка окутала то место где она стояла, а когда рассеялась, на том месте стоял красивый журавль. Танюшка не успела опомниться, а журавль взмахнул крыльями и устремился в бескрайнее голубое небо.

– Матушка, матушка моя родимая!

Танюшка упала на землю и горько, горько заплакала.

– Ну почему не меня убило это дерево, я не хочу больше жить. Мамочка, возьми меня с собой.

– Помни эти слова, нарушишь, меня забудешь!

Она встала и, шатаясь, побрела к дому.

– Нарушишь, меня забудешь, нарушишь, меня забудешь.

– Нет, мамочка, не нарушу, не забуду!

Прошли годы. Судьба занесла меня в один городок. Возраст давал о себе знать, стали донимать старые болячки, и я решил обратиться к врачу. Отстояв в очереди, я получил номерок в одиннадцатый кабинет.

– О, вам повезло, – сказала, стоявшая за мной женщина, – вы к Журавлевой попадете.

Время у меня еще было, я вышел на улицу покурить. Достал сигарету, а вот зажигалки в кармане не оказалось. Подошел прикурить к мужикам.

– К какому доктору записались?

– К Журавлевой.

– Повезло, браток, не раскураивай, а то прозеваешь очередь, потом не пропустят.

– Иди, иди, она у нас одна такая.

Я бросил сигарету и пошел к кабинету. Ждать пришлось недолго. Я вошел, поздоровался. Сестра взяла какие-то бумаги и вышла. Мы остались одни.

– День то, какой хороший, вот-вот журавли полетят, – сказала она негромко и подошла к окну.

И то, правда, осень выдалась на редкость солнечной и теплой, разгулялось бабье лето.

– Помогите, откройте окно, – попросила доктор меня.

Я открыл окно.

– Летят, милые мои, летят!

Она облокотилась одной рукой о подоконник, второй прижала слегка грудь в области сердца. Я стоял в стороне, но и мне хорошо был виден клин приближающихся журавлей. С их приближением волнение, охватившее доктора, все усиливалось и усиливалось, а когда в раскрытое окно ворвался их непередаваемый крик, она негромко охнула. Я много раз провожал журавлей, не раз мое сердце щемило их курлыканье, но такого я еще не слышал. Несказанная осенняя грусть, боль непредсказуемого расставания, неброская, но бездонная любовь к оставляемым просторам, все это слилось в этом прощальном крике.

Мы стояли и смотрели на удаляющийся клин до тех пор, пока он не скрылся за верхушками деревьев.

– Ну, вот и все, – произнесла она тихо, – возвращайтесь назад, все возвращайтесь.

Она повернулась и посмотрела на меня каким-то отрешенным взглядом, но быстро собралась и произнесла:

– Простите, пожалуйста, осень, журавли, обострение чувств. Что у вас?

Присаживайтесь.

Я подошел к ней, взял и поцеловал ее руку.

– Спасибо, доктор, спасибо. Всего вам хорошего.

– За что спасибо?

– За журавлей.

Я тихонько вышел из кабинета и побрел по тихим улочкам городка. Все мои недуги, вся суета, какая это мелочь по сравнению с улетающим клином дорогих и неповторимых птиц. Действительно. Возвращайтесь, возвращайтесь все...

Дочери Пелагеи

Тяжелые были времена на Руси. Не успевают воины разбить одного врага, а уже у порога стоит с ратью другой. Тяжело приходилось в ту пору и нашему городу. Его защитники проводили жизнь в бесконечных сражениях и походах. От мала до велика вставали к бойницам крепости воины, бились не щадя себя. Многие сложили свои головы за дело правое, но и не меньше порушили голов чужеземцев. Притихли завоеватели, мирная жизнь пришла в наши края.

Вздохнули воины, мечи на гвозди повесили, а сами за мирные дела принялись. В праздники смех и шутки на городской площади слышны.

Один воин Егор не весел. Жена Пелагея рожала ему одну за другой девок. Пятерых родила. Хорошие и красивые дочки росли, но воину, какой толк от их красоты, ему помощники в ратном деле нужны. И от насмешек товарищей проходу нет. Но что поделаешь, видно судьба такая досталась.

Летело время, дочки невестами стали, уже женихи под окнами бродят, о свадьбах разговор зашел.

Но заиграли трубы сигнальные, забили тревожно в колокола церкви городские. Привел полчища несметные под стены города король иноземный, сдаться без боя предложил.

Немного поотвыкли от ратных дел горожане, но сдаваться на милость победителя никто не захотел. А раз дело такое,

без лишних слов мечи с гвоздей долой и на бой кровавый.

Собирался на битву и Егор. Надел доспехи свои нехитрые, попробовал в руках оружие ратное. Была в них еще сила, была и сноровка.

Пелагея, жена его, горько плакала. Дело нешуточное, не на гулянку шел кормилец. Сложит голову, кто семью содержать будет?

Дочки одна другой краше, стояли молчком.

Посмотрел на них отец, и не понятно было, то ли тоска в его глазах промелькнула, то ли сожаление о том, что не молодцы добрые перед ним, а всего на всего обычные девки.

Поклонились они отцу, а потом не выдержали, обняли, и давай реветь в пять голосов.

Защемило сердце старого воина от жалости, но уже через минуту встал он, крикнул сердито, да пошел на стены городские.

И началась битва жестокая. Лезут поганые на крепость, орут на своем языке чужеземном, палят из пушек по защитникам.

День бились, второй, третий. Мужественно сражаются воины, не щадят себя, дают достойный отпор врагу, Но все меньше и меньше их остается, а поганые все яростней и яростней на стены лезут. Уж и раненые не уходят с битвы, женщины и старики на помощь вышли.

Почувствовали враги, что город вот, вот падет, совсем осатанели, кинулись на штурм решительный, флаги свои

с собой тащат, на самой высокой башне повесить хотят. Еще миг и оказались бы они на крепостной стене, а там как знать?

Но в это время на самой высокой башне, на которой флаги поганые вывесить хотели, показалась фигура девушки в белом.

Встала, руки к солнцу протянула и застыла. Пули свистят, ядра ухают, а она стоит и не дрогнет.

Опешили враги, замялись на мгновение, уж больно непривычным было видение в этот ужасный миг.

Зато воспрянули духом защитники, с новой силой на врагов обрушились, скинули их со стен, отбили яростный штурм.

Обозлились захватчики, из всех пушек палить по башне стали. Дымом густым заволокло ее. Когда дым рассеялся, никого на башне уже не было, только белая лебедушка кружила над горящим городом.

На другой день опять на штурм ринулись враги, опять победа была рядом, но снова взошла на башне девушка в белом, вскинула руку к солнцу, снова дрогнули сердца нападающих, снова отбросили их защитники от стен города. Еще яростней палили пушки по башне. Грохот от них не умолкал до самого вечера. А когда пушки смолкли, и дым рассеялся, над башней, как и накануне, кружила белая лебедушка.

И на следующий день всё повторилось. Опять появление девушки привело в ужас врагов и придало сил защитникам.

Сидит Егор в кругу друзей, раны свои перевязывает. Мно-

го их на теле за эти дни появилось.

– А что не говорите, братцы, не выдержать нам было бы без этой девушки. При виде ее, откуда силы берутся?

– И то правда, – поддержал его старый воин, – но сдается мне не простая она, как по ней палят, а хоть бы что?

Многие согласились с ним.

– Где там простой такое выдержать, знать и впрямь нам сила святая помогает.

– Отобьем врагов, обязательно разыщу и поклонюсь ей, – пообещал Егор.

– О чем разговор, – поддержали остальные, – понятное дело.

В самый разгар битвы в четвертый раз вышла девушка в белом, а потом и в пятый.

И не выдержали враги, с бранью и проклятием отступили от города. Даже раненых своих братья не стали, поубивали и бросили в чистом поле.

А Егор с друзьями к башне пошел. К ним присоединились и другие защитники. Подходят, смотрят, а у стены сидит Пелагея и горько плачет. Постарела она за эти дни, а голова совсем белой сделалась. А в небе летают пять таких красивых, каких еще не видели люди, лебедей.

Вот спустились они низко-низко, бросили по перышку матери, прокричали жалобно напоследок, поднялись в небо, сделали прощальный круг над башней и улетели в сторону восхода солнца.

Поняли воины все, встали перед матерью на колени. Слезы свои не скрывают.

Много лет прошло с тех пор, давно нет в живых участников этих событий, а вот пёрышки и поныне хранятся девушками города.

Их за это, я слышал, лебёдушками называют, да вы и сами слышали, уверяю вас, а если нет, очень жаль, но не грустите, приезжайте к нам в город, мы покажем и башню вам, и лебёдушек наших.

ДОЛЕЧИЛИСЬ

Лида хоть и была уже бабушкой, но годами-то не была ещё старой. Всё бы ничего, но стали донимать её болезни всякие. Поработает чуть побольше, гляди уже то там заныло, то тут закололо. Сколько пилюль приняла, уколов понаделала, вроде бы отпустит немножко, а потом опять скрутит. Жила она в деревне, а на селе как, болит, не болит, а дела делать надо. Хорошо, что муж работающий, не сможет она, он всё сделает, но и у него со здоровьем не всегда всё ладно, годы-то дают о себе знать.

В один прекрасный день ковырялась она у дома, где-то подмела мусор, курей покормила, обед приготовила. Хорошая погода с утра была, солнышко светит, теплынь стоит. Неожиданно подул ветер с Севера, налетели тучи, заморосил дождик. В чем была Лида одета, в том и выскочила на улицу,

грядки закрывать ей надо было. Под дождём, естественно, промокла, а к ночи так спину прострелило, что ни лечь, ни встать бедняжке без резкой боли.

– Ну что ты опять привязалась, окаянная, – сердито сказала она про болезнь.

– Как что, ты сама меня разбудила, когда грядки накрывала.

– Господи, кто ещё тут?

– Одна из твоих болезней.

– С ума я сошла что ли?

– Зачем так, ты в прошлый раз загнала меня своими укулами и таблетками, как у вас людей говорят, в угол, а сегодня застудила спину, мне полегче стало, вот я и проснулась.

– А зачем проснулась, спала бы себе и дальше спокойно?

– Нам так нельзя, мы силушки набираемся, когда вам боль причиняем.

– А можно и по другому, давай я тебя покормлю, согрею, спи себе на здоровье.

– Так нельзя, неужели не понятно, мы силушку от твоей боли получаем, чем не сильней боль, тем мы крепче.

Лида немного подумала, потом решила с другой стороны подступиться к недугу.

– Давай мы сделаем так, ты перейдёшь, допустим, к кошке, а я выполню за это три твоих желания.

В хозяйстве было две кошки, одна была боевая, ни крыс, ни мышей в доме не было, а вторая не очень-то занималась

кошачьим делом, больше погреться любила, да поесть по-вкуснее чего либо.

– Не пойдёт, – возразила болезнь, – у кошек своих болячек хватает, а мне и у тебя хорошо.

– Тогда я тебя уколами и таблетками уничтожу.

– Ой, напугала, да я уже давно привыкла к твоим уколам и таблеткам, так что ты от меня не избавишься.

– А я другие достану.

– Пойдёшь советоваться к подругам, они тебе насоветуют.

– Ты что же, думаешь, не делают новые таблетки, ой, как ещё делают, куплю завтра, и тогда уже держись.

– Глупые вы люди, сколько лет делаете эти таблетки, а толку что, мы болезни быстро к ним привыкаем, а со временем только выносливей становимся, многие болезни вам уже ничем не взять.

– Ты хочешь сказать, что вы всё сильнее и сильнее становитесь?

– А ты как думала, между нами идёт постоянная война, вы делаете новые таблетки, мы или привыкаем, или меняемся так, что вам с нами уже не совладать. А потом вы жадные, кто делает таблетки, не всегда думает, как вылечить, а как денег побольше заработать. Они нас не убивают, а подкармливают. Мои предшественники рассказывали, что и вода в те времена была чистой, продукты очень полезные, землю не заражали разным мусором. Нам сегодня легко с вами справляться. Наглотаётся всякой ерунды, организм с ней бороться начи-

нает, ему не до нас, а нам того и надо, раз и впились в ваше нутро.

Лида и сама знала, что в последнее время столько появилось болезней, о каких раньше и слышать не слышала, что жить стало страшновато. О том, что эти болезни могли появляться с новыми лекарствами, она как-то не задумывалась. Действительно, возмём сад, какой твари там только не расплодилось, химикатов много, а толку совсем никакого нет. Договорились с соседом, перестали эти яды применять, стали пользоваться натуральными средствами, сад чище стал.

– Ты бы всё же полегче донимала, совсем ведь моченьки нет.

– Это с чего же я тебя жалеть должна?

– Давай договоримся, я поменьше буду таблеток принимать, уколов не буду делать, а ты не так сильно будешь болеть.

Болезнь ничего не ответила, она думала, лучше это для неё будет или хуже.

Лида тем временем нашла в шкафу шерстяной материнский платок, обмотала им больную спину.

– Послушай, мы так не договаривались, зачем обмотала себя этой тряпкой?

– А если мне холодно, не буду же я ходить голой? Мы договорились насчёт таблеток, а про одежду у нас договора не было, – ответила Лида.

Болезнь замолчала, а боль действительно стала немного

поменьше.

На ночь Лида сделала себе ванну с хвоей и травами. Тело распарилось, боль в спине совсем притихла.

– Ты зачем устроила мне эту баню? – возмутилась болезнь, – я ей боль уменьшила, а она, видишь ли, новое лечение себе придумала.

– Послушай, ты запрещаешь мне мыться? Не запрещаешь. Я что, грязная должна ходить?

– А зачем разные травы и иголки в ванную напихала?

– Я же не предъявляю тебе претензий в том, что ты не там устроилась, не то делаешь, не то ешь или пьёшь, чего же ты постоянно придираешься?

Болезнь опять замолчала.

На следующее утро Лиде стало ещё легче. Ей сделали массаж, компресс, она вновь укутала спину шерстяным платком, надела шерстяные носки. К обеду она уже что-то могла делать по дому. После обеда она полтора часика отдохнула, встала уже без боли.

– Болезнь, а болезнь, ты никак спать улеглась?

– Я что, проклятая что ли, мне тоже иногда отдых нужен.

– Что тебе дать, чтобы ты лучше отдохнула?

– Постой на сквознячке немного, глядишь, и мне отдых в радость будет.

– Знаешь, нет времени у меня на сквозняках стоять, ты уже устраивайся как-нибудь сама поудобней.

Вспомнились Лиде бабушкины рецепты, которыми она

пользовалась при недомоганиях, пошла в огород, листиков нарвала, травки, заварила себе травяной чай. Пьёт, на лоб испарина выступила, всё нутро прогревается.

– Что ты опять делаешь? – возмутилась болезнь.

Голос её был уже тихим и не таким грозным.

– Чайком балуюсь, хочешь, и тебя угощу?

– Угощу, угощу, от этого дурмана я уже пьяной стала, даже пошевелиться сил нет.

– А ты приляг, приляг, поспи подольше, дурман и пройдёт.

Болезнь что-то бурчала, но разобрать её слова было уже невозможно.

На следующий день Лида встала, боли, как и не бывало.

– Болезнь, а болезнь, как ты там?

Никто ей не ответил.

Как-то побывал я у неё в гостях, пил ароматный травяной чай с медком, угощался домашним салцом. Всё нутро прогрел, все болячки поразогнал. Вот так-то вот, дорогие мои!

Соседи

Они были соседями – лиса Патрикеевна и лиса Петрикеевна. У обоих характеры были сварливы, неуживчивые. Стоило одной сказать слово, вторая десять в ответ. Так и бранились по каждому пустяку, только отголоски брани по лесу разносились. Напрасно стыдили их звери, уговаривали, ничего не помогало. Потом по привычке и не стали обращать внимания.

Молодые лисята, не в пример матерям, жили дружно. Они вместе играли, гуляли по лесу, охотились на мышат. Ни Патрикеевна, ни Петрикеевна не мешали их дружбе. Играют и играют вместе, не драться же им.

В одно прекрасное утро лиса Патрикеевна решила искупать своих лисят, а Петрикеевна со своим семейством отправилась по делам к ежу. Колючий скамейку подрядился смастерить, но что-то не спешил с выполнением обещания.

Патрикеевна натаскала воды, нагрела её и давай мылить своих непосед. Визг и писк стоял в норе, словно режут добрый десяток лисят, а не моют всего-навсего двоих шалунишек.

Петрикеевна без приключений дошла до домика колючего, постучала в дверь. Ждать пришлось недолго. Работяга ёж что-то мастерил и был доволен своей работой, поэтому дверь открыл он в самом добром настроении. Не успели они рас-

кланяться и расспросить друг друга о житье-бытье, как пролетели над ними сороки с тревожным криком.

– Что-то не ладное в лесу случилось?

Пертикеевна потянула воздух своим чутким носом.

– Вроде бы гарью потянуло?

Промелькнули стайки птиц, а вскоре и первые беглецы появились. Длинноногие косые бежали во всю прыть, ловко лавируя между стволов деревьев.

Ёж собрал своих ежат, захлопнул дверь.

– За речку бежать надо, огонь туда не доберётся.

– Верно, говорит колючий, – подумала Петрикеевна, схватила малышкой за лапки и дёру.

А вот и речушка. Жиденький мосток перекинут с берега на берег. Остановились на миг перевести дух. А из кустов уже выскакивали толпы бегущих и устремлялись к мостику.

– А как же соседка? – подумала Петрикеевна с тревогой.

Она обернулась, окинула взглядом бегущих, стала успокаивать себя.

– Наверно уже на том берегу, тут и бежать-то совсем нечего.

– Чего стоишь? – торопил ёж, – давай быстрее, а то не попадём на мост.

Показался барсук с барсучатами.

– Соседку не видел? – крикнула лиса.

– Нет, не видел, она своих озорников купает.

– Сгорит, чует моё сердце, сгорит. Колючий, возьми моих

деток с собой, я до Патрикеевны доскочу.

– С ума сошла, огонь вот-вот к речке подойдёт.

– А как же они?

– Вы же бранились постоянно, чего о них думать-то?

– Нехорошо говоришь, колючий, браниться одно, а такое на душу брать, совсем другое, ты уж погляди за моими.

Она ласково подтолкнула лисят к ежу и метнулась назад.

– Ничего, успею, – подбадривала себя Петрикеевна и всё ускоряла бег.

Потянуло дымом близкого пожарища, поредели толпы бегущих. Ещё миг, и она уже осталась в одиночестве, было страшно и жутко.

Но вот и дом Патрикеевны. Подлетела к двери, распахнула её. Соседка вытаскивала из воды орущего лисёнка и шлёпала по одному месту.

– Беда, лес горит! – схватила лисёнка, – Быстрее за мной!

Выскочили наружу.

– Ой, мамочки, а я не слышу и не вижу, пропали, ой, звери добрые, пропали.

– Хватит охать, не отставай!

Она метнулась в дым и гарь, которыми был заполнен, казалось, теперь весь лес.

– Только бы не сбиться, только бы не сбиться, – шептала Петрикеевна, как заклинание и летела во весь дух.

Замелькали первые языки пламени. Жуткий гул и стон словно наваливались на бедных беглецов. Совсем рядом

шлепнулась горящая ветка. На миг закралось сомнение в том, что сбились с дороги и несутся не к речке, а в пасть этого жуткого огня. Противный страх сдавил маленькое ли-сье сердце и она, наверное, заметалась бы по лесу от этого страха, сгнула бы в этом пожаре, но дыхание соседки сзади словно подтолкнуло её, добавило решимости и смелости.

Полоса огня встала перед самым носом, и Петрикеевна ринулась сквозь неё. Она закрыла глаза, приготовилась к самому худшему, а когда открыла, увидела речку и пустой уже мост.

Прошло время. Вновь хорошее летнее утро. Спешит по своим бесконечным делам неугомонный заяц. До него доносится знакомая брань сварливых соседок.

– Надо же, – ухмыльнулся он, – вот характеры!

И не было в его ворчании осуждения.

Пожелания

Их было много, очень много печальных детских глаз. Они смотрели на каждого проходящего в детдом и все чего-то ждали и ждали. Детский разум ещё не мог до всей глубины осознать случившееся, только сердце неумолимо подсказывало, что жизнь отвернула от них своё доброе лицо, обокрала в самом главном, не оставила и надежды на иную долю. Одинаковые рубашки, костюмчики, ботинки и даже носки, койки, одеяла, ложки и полупустые щи, которые в иной семье не стал бы лакать закормленный пес. Некоторым из них в свое время повезло, они жили в своих домах, имели своих родителей, но по воле недоброй судьбы тоже оказались в этих стенах. Только детская память постоянно высвечивала радужные картины минувших дней, которые год от года становились все красочней. Рассказы таких малышей, как правило, начинались: «» Когда я жил дома ... «» И все замолкали и смотрели на него с завистью и грустью.

Он жил дома! Там, в ином мире, где есть папа и мама, бабушка и дедушка. А у дедушки, наверное, хранится в сундуке боевая шашка, которую вручил ему сам Чапаев. Там есть велосипед, телевизор, который можно смотреть хоть всю ночь, покупать вкусное мороженое, а конфеты есть каждый день, а не по праздникам. Не надо там спешить на обед, ужин или завтрак, не бояться, что если опоздаешь, ляжешь

спать голодным. Не надо убирать за собой койку, делать зарядку

Нет, враки все это, такой мир просто не существует!

И, тем не менее, глазенки жадно рассматривают каждого незнакомого человека. А вдруг не врут о том ненормальном мире? Вдруг этот незнакомец подойдет и скажет: «Я долго тебя искал, пошли со мной, ты мой сын!»

Также напряженно встретили сотни глаз одного незнакомца. Высокий, одетый во все черное, он шагал по ухоженной дорожке, смешно переставляя длинные ноги. Что-то необычное было в этом, нормальном на первый взгляд, посетителе. Вот бежит прямо на него старшая медсестра, она, наверно, сшибла бы незнакомца, но он вовремя отступил в сторону. Подвыпивший сторож, дядя Гриша, бросил окурок в него и чуть не угодил в широченную шляпу. Взрослые его просто не замечали.

Странный человек зашел в главный подъезд и скрылся из виду. Ребята еще не успели все обдумать, а дверь в спальную отворилась, на пороге стоял он.

– Здравствуйте, – поздоровался незнакомец, – я старый маг и чародей, признанный всеми волшебник Сулмануч.

Дети оробели и с напряжением смотрели на незнакомца, который прошел в комнату и сел на табурет, стоящий посредине.

– Не надо меня бояться, подходите поближе, я буду исполнять ваши пожелания.

Дети не сдвинулись с места, а самый маленький, Ромка, который любил приходить к более взрослым ребятам, хотел забраться под кровать.

– Ну, кто у вас самый смелый, держи.

Маг протянул руку, в которой ничего не было, дунул в нее, и не успели ребята, опомниться,

как в руке появился большой кулек конфет.

– Это фокусник приехал к нам! – закричал осмелевший Петька и смело взял конфеты.

Все оживились, страх улетучился, а кулек пошел по кругу.

– Вы будете показывать нам свои фокусы? – кричали ребята и старались поближе протиснуться к незнакомцу.

– Фокусы, как вам известно, ваши артисты показывают.

Не надо меня оскорблять, я буду делать настоящие чудеса.

Маг и чародей снял черную шляпу и начал вынимать из нее арбузы, виноград, мороженое, груши, конфеты, шоколад.

– Надеюсь, вы поняли, что я действительно известный маг и чародей, а не просто какой-то простой фокусник. Однако за дело. Пришел я для того, чтобы вы придумали страшные кары для ваших беспутных родителей. Они бросили вас, ведут плохую жизнь, за это мы их сурово покараем.

Наступила тишина, жуткая тишина.

– Вот ты, мальчик, – Сулмануч подозвал Ромку, – какую муку устроить твоей маме?

– А где моя мама?

Голос у Ромки задрожал, на глаза вот – вот должны были навернуться слезы.

– Откуда мне знать, где твоя мама? Шляется где -нибудь по большому городу, а о тебе и думать забыла.

– А как ее найти?

– Послушай, мальчик, это мое дело, ты только пожелай ей страшную кару, а все остальное я беру на себя.

– Найдите мою маму!

– Я не могу этого сделать до тех пор, пока ты не придумаешь ей ужасную кару.

Ромка стоял и не знал, что делать? Он не видел вообще своей мамы, а в мыслях постоянно тянулся к ней, даже иногда жаловался и просил прийти к нему.

– Ну, поживей, не один ты тут.

Ромка вспомнил, как он болел, как ему было плохо, очень плохо, а медсестра, делала ему очень больные уколы. Ночью ему очень хотелось пить, но воды принести было некому.

– Я хочу, – мальчик тяжело вздохнул и произнес очень решительно, – чтобы моя мама никогда не болела, никогда!

Маг скривился, как от зубной боли.

– Так мы не найдем твою маму, неужели так трудно придумать кару? Хочешь, я тебе помогу? Давай разорвем ее на мелкие кусочки, заморим голодом, сломаем ноги, разотрем в порошок.

– Вы плохой, я хочу, чтобы моя мама не болела.

– Ну тебя, маг подозвал другого мальчика, – а ты какую бы

кару придумал для своей мамы?

– Хочу узнать, как зовут мою маму?

– Ты придумываешь наказание для мамы, я ее нахожу, мы узнаем имя мамы, договорились?

Сереза, так звали этого мальчика, стоял и о чем-то упорно думал.

– Ну, скорее, другие ждут.

– Я хочу, чтобы моя мама была самой красивой и доброй, – произнес Серезка не очень громко, но все его услышали.

– Она бросила тебя! Бросила! Ее за это надо наказать.

– Хочу, чтобы моя мама была самой красивой и доброй, – произнес он уже громко.

– Ненормальный! Есть тут разумные дети? Вот ты, разобьешь стекло, что с тобой сделают?

Петька, а это его спросил Сулмануч, потупился.

– Я тебя, тебя, спрашиваю.

– Хочу, чтобы мою маму никогда не били.

Петька зашмыгал носом, из глаз у него потекли слезы. Кому как не ему было знать, что такое порка. Совсем недавно один городской мальчишка избил его только за то, что он из детского дома. Днем они с ребятами ходили в кино, встретили городских ребят, ничего плохого этому мальчишке не сделали, Петька даже не знал, как его зовут, несмотря на это, ему вlepили две хорошие оплеухи.

– А ты, что хочешь? – спрашивал маг уже у следующего

мальчугана.

– Я хочу, чтобы маму не оставляли без обеда, пусть она ест вкусные конфеты и виноград.

Мальчик повертел в руках гроздь винограда, которую несколько минут назад он взял из шляпы волшебника и положил ее обратно.

– А я хочу, чтобы мою маму любили и никогда не бросали.

– А я хочу, чтобы у моей мамы всегда было много денег, пусть она каждый день ходит в кино и ест мороженое.

– А я хочу, чтобы моя мама носила теплую шубу, и ей никогда не было бы холодно.

Маг заткнул уши руками и бормотал: «Безумные дети, они не могут придумать ни одной кары для своих беспутных мам, что же мне делать, что делать?»

А дети все говорили и говорили, они перебивали друг друга и боялись, что не успеют высказать свои пожелания.

– Пусть у моей мамы не болят зубы.

– Пусть у моей мамы будет много игрушек.

– Пусть моя мама...

А Сулмануч начал растворяться. Вот уже пропало его лицо, потом руки, ноги, плащ, последней исчезла шляпа.

Дверь в спальню открылась, и недовольный голос произнес: «Дети, пора расходится по своим комнатам, прекращайте галдеж и марш отдыхать».

Ночью Ромке снился тревожный сон. Больная незнакомая женщина пыталась подняться с кровати, но медсестра и че-

ловек в черном плаще не давали ей этого сделать, она просила помощи у Ромки, но его кто-то тянул за рубашку, стараясь вытащить в коридор.

Не обманывай судьбу

Когда заходишь в иной дом или квартиру, поневоле ощущаешь, как говорят, ауру жилища, а по-моему, просто теплоту семейную. При этом мы мало задумываемся над тем, кто создает такую обстановку? Не помогают ни дорогие вещи, ни изысканные блюда, ни улыбки хозяев, если в доме что-то неладное. Мне пришлось недавно побывать в гостях у одного солидного господина. Все было на высшем уровне, хорошие вина, всевозможная закуска, дорогие столовые приборы, но мне уже через пятнадцать минут захотелось уйти из этого дома и никогда больше туда не приходить.

Я много раз слышал о домовых, видеть мне их не приходилось, но услышав один рассказ, склонен думать, что не домовые создают семейный уют, а семейные очайки. Что означает это слово, я до сих пор не знаю, полагаю, что это домашние хранительницы очага. В нашей семье стало традицией, задабривать очайку в Новый год домашними пирожками с малиновым или вишневым вареньем. Тридцать первого декабря жена печет пирожки, один мы кладем на тарелочку, которую ставим на подоконник кухонного окна. Вот уже несколько лет пирожок под утро исчезает. Положили как-то несколько пирожков, они остались нетронутыми. Расскажу я вам одну историю, а вы уж сами решайте, как вам относиться к вашей домашней очайке.

Так вот, поселилась в одном доме очайка. Семья хорошая, муж с женой и единственная дочь. Люди не скандальные, гулянками и пьянством не увлекающиеся. В доме всегда чисто и уютно. Навестила очайка свою соседку, которая была значительно старше ее и жила уже не в первой семье.

– Нам повезло, – говорила соседская очайка, – у тебя в доме трое и все взрослые, у меня вообще двое. Раньше я жила в семье, вот где кошмар был, трое детей, один другого меньше, целый день шум и гам, я места себе тихого найти не могла, так и пришлось уйти от них. Мои рожать, как я полагаю, не собираются, да и поздно им детей заводить, а вот у тебя в семье девка уже на выданье, нарожает детей, если замуж выскочит, намучаешься с ними.

– Но мы должны беречь очаг дома, в этом наша жизнь, так нас учили, и мы давали клятву в верности нашему долгу.

– Зачем же клятву нарушать, покой и тишина в доме, полный достаток, все довольны, разве это нарушение клятвы? Ты не об этом думай, а соображай, как девке помешать замуж выйти, послушай моего совета, не пожалеешь.

– А как это помешать?

– Женихов отваживай от нее, лучше всего это через родителей делать, наговаривай им во сне разные гадости про парней, убеждай девку в том, что ей рано еще замуж, глядишь и уладится все в вашей семье. Да ты не сомневайся, они тебе сами благодарны будут.

Очайка хоть и сомневалась какое-то время, но потом ре-

шила делать так, как ее научила соседка. А тут как на грех девушка встречаться с парнем стала, до поздней ночи с ним где-то пропадала. Струсил очайка и стала нашептывать ночью отцу девушки про парня, что он бездельник и не любит их дочь. Проснулся отец, выругался, что такая ерунда стала сниться, пошел, попил водички, покурил и снова на боковую. Потом так захрапел, что никакое сновидение его донять не смогло. А вот с матерью совсем иное дело. После того, как дочь встречаться с парнем стала, она совсем покой потеряла, поэтому и спалось ей плоховато.

– Что же ты спишь? – нашептывала очайка, – посмотри, с кем твоя дочь милуется? Он рыжеватый, а все рыжие пройдохи, ни одну юбку не пропустят, а на лицо его посмотри, он же прыщавый, а дети пойдут, они на отца будут похожи.

Проснулась мать, вся в холодном поту, дочери нет, а сон правдивый, рыжеватый женишок оказался, гулять с другими точно будет. А как представила, что внучка на него будет похожа, совсем расстроилась. Еле дождалась дочери с гулянки.

– А ты хорошо своего миленка знаешь? – начала мать спрашивать дочь, – ухажер твой не ангел с крылышками, за сколькими девушками он волочился, ты знаешь?

Дочь растерялась от такого вопроса, но пришла в себя и ответила.

– Не было у него никого после армии, я, по крайней мере, ничего об этом не слышала.

– Не слышала, а ты разве кого слушать будешь, ты ходишь,

словно слепой котенок, не замечая ничего вокруг. На лицо-то хоть его посмотрела? Где уж тебе, а он прыщавый весь.

– Мама, у всех парней в этом возрасте угри на лице, что тут такого?

– Что-что, а если внушка родиться, она тоже прыщавая будет?

Расстроенная дочь ушла спать. Очайка ей тоже во сне нашептывала, что ей рано еще замуж, что приглядеться к парню получше надо, а то окажется пьяницей, всю жизнь мучиться с ним придется. Как на грех Василий, так звали парня, выпил к вечеру немного, у бригадира сын родился, они отметили после работы с бригадой это событие, пришел на свидание с легким запашком. Устроила дочь скандал, не стала гулять с Василием и ушла домой. Мать тоже кое-что еще прознала про его семью, родственник дальний бросил жену с детьми. Отец пытался заступиться за парня, но где там, мать скоро его угомонила, махнул он рукой и пошел по своим делам. Так каждую ночь очайка нашептывала то матери, то дочери разные гадости про парня, и они, в конце концов, расстались.

И следующий ухажер получил отставку. В его семье брат сидел в тюрьме за хулиганство. У третьего дядя был алкоголиком, а мать одна воспитывала сына. Через два года у Оксаны, так звали дочь, не осталось ни одного ухажера. К этому времени подруги повыходили замуж, некоторые из них обзавелись детьми, а ее лучшая подруга была беременна вто-

рым ребенком. Женился и Василий, добрым семьянином он оказался, жену свою только что не на руках носил, да и жена досталась ему добрая и работающая.

Навестила очайка соседку, рассказала о том, как женихов от Оксаны отвадила, та похвалила ее, умницей назвала.

– А мои-то, чуть было ребенка из приюта не взяли, но приболел хозяин, они и оставили эту затею, – хвасталась она перед очайкой.

Прошло еще несколько лет. Жизнь в семье все ухудшалась и ухудшалась. Отец стал попивать водочку, с женой и дочерью разговаривал мало, пристрастился к рыбалке и при первом удобном случае уходил из дома. Да и дочка не очень – то ладила с матерью, по всякому пустяку они бранились, не вели, как прежде, задушевных бесед. Очайка почувствовала беду и пошла за советом к другой очайке.

В доме у очайки было шумно и весело. У них своих было трое детей, да к ним в гости пришли еще двое подростков. Они включили музыку, пели, дурачились, пили чай, о чем-то очень громко спорили. Пришлось подождать, пока шумная компания не ушла на улицу.

– Дома кто есть? – произнесла она неслышно, но ее слова были услышаны очайкой, которая проживала в этом доме.

– Как не быть, – услышала она в ответ, – проходи, гостьей будешь.

– У вас в доме шумно и весело, объясните мне, это хорошо?

– А чего ж плохого, когда в доме кипит жизнь?

– Но меня моя соседка учила тому, как жить в тихом и бездетном доме. По ее совету, я отвадила от Оксаны, молодой хозяйки, всех женихов. Сейчас в семье нет мира, отец сердится на мать и дочь, дочь на отца и мать, а мать пытается что – то сделать, но у нее ничего не получается.

– Как ты могла слушать кого – то? Ты забыла наше предназначение, беречь семейный покой и создавать хороший домашний уют. Ты нарушила нашу клятву и будешь за это жестоко наказана. Убирайся прочь, я не хочу тебя видеть!

– Не гоните, скажите, что мне делать?

– Я не хочу тебя учить, но так и быть, если в вашей семье появятся дети, можешь прийти ко мне за советом, а сейчас уходи.

Теперь Оксане снились по ночам удивительные сны. Она видела хорошенького ребенка, кормила его кашей, качала в кроватке. Большая птица хотела вырвать его у нее, но она закрыла мальчишку своим телом, птица улетела ни с чем. Мать тоже видела странные сны. К ней приходил уродливый человек и страшал ужасными муками за то, что она помешала дочери стать матерью, что ее спасет только ребенок, которого дочь должна родить. В конце – концов, у них с дочерью состоялся откровенный разговор, они пришли к единственному решению, дочь должна родить ребенка.

– Мама, а как мне родить?

– Воспитали дубину, – вмешался в разговор отец, который

услышал вопрос дочери, – дожидая до тридцати лет и не знает, как рождаются дети, сходи в огород и поищи в капусте.

– Нет, я лучше аиста попрошу, – с улыбкой ответила дочь.

– Сойдет и аист, – поддержал шутку отец.

– Только, доченька...

– Поменьше мать слушай, своя голова на плечах есть, – перебил мать отец.

И потянулись какие-то неопределенные дни. Родители ждали вестей, а дочь жила, казалось, обычной жизнью. Мать с отцом уже обсудили, как они будут оказывать помощь в воспитании внука, а что будет он, они не сомневались, даже имя ему придумали. Мать первой поняла, что у дочери будет ребенок, не выдержала и сказала отцу. И жизнь в семье стала налаживаться. Отец забросил свои рыбалки, был всегда трезвым, мать старалась исполнить каждое желание дочери, правда однажды она не вытерпела и спросила:

– Доченька, а кто папа у ребенка, он...

– Что? – отец так посмотрел на мать, что она тут же замахала руками.

– Ой, я безголовая, забыла купить овощей для доченьки, сбегая в магазин.

Потом появился в доме ребенок. Правда, это был не мальчик, а девочка, но никто от этого не расстроился. Отец гордо называл себя «дедом», отпустил усы, грозился отпустить еще и бороду, но дочь с матерью воспротивились, пришлось отказаться от этой затеи. Стали приходиться к Оксане подруж-

ки, кто что-то посоветовать, а по большей части просто поболтать о делах женских.

Очайка тоже сбегала посоветоваться насчет своего поведения в связи с рождением ребенка. Встретили ее приветливо и наказывали смотреть за малышкой ночью и вовремя будить мать. Мы с вами хорошо знаем, как бы мать не спала, стоит ребенку пошевелиться, как она моментально просыпается, сомневаюсь, без очайки тут вряд ли обходится. Еще ей наказывали, чтобы она стерегла дом от всякой заразы, которая могла бы повредить малышке, а главное, следить за тем, чтобы в доме был всегда особый домашний уют.

Ну а что же стало с очайкой соседкой? А вот судьба ее оказалась печальной. Ушли в мир иной ее хозяева, она пробовала найти других, но куда там, свободных семей не оказалось, помыкалась она два месяца и исчезла навсегда, бездомными очайки долго не могут быть, ну и поделом. Жизнь не обманешь, что суждено каждому в жизни, то и должно быть, а если этого не случается, исчезают очайки, а люди маятся на этом свете, вроде бы живут, а жизни все равно нет.

Счастье поздним не бывает

В одной небольшой деревушке жили три сестры. Так уж получилось, что не вышли они в свое время замуж и остались, как говорят, старыми девами. Прозвище это само по себе не из приятных, а если еще тебя знает в деревне каждый встречный и поперечный, тем более. И характеры у девушек были неплохие, да и красотой не обделены, но не повезло в жизни, не встретил желанный, не повел в платье белом под венец. Сколько было гадано и перегадано на этих суженых, слез выплакано, ночей бессонных прожито и не счесть. И уж уходить стала пора девичья, попривыклось прозвище обидное, смирилось с судьбой сердце горячее. Но случилась история, которая всколыхнула былые грезы, всплыло все забытое, забилося сердце от надежды призрачной.

Сестры, Маша, Таня и Евдокия в один из погожих дней бродили по весеннему лесу. Погода была прекрасная, солнце щедро согревало просыпающуюся от зимней спячки землю, давая жизнь каждой веточке, каждой почечке, каждой травинке. Тысячеголосый птичий пересвист, как огромный музыкальный оркестр, наполнял округу чарующей музыкой.

– Ой, сестрички, я сейчас как тот росток, который рвется из семечка наружу, но кожицу пробить никак не может.

– А я как былинка, к солнцу бы тянуться, но камень придавил меня крепко, нет пути на волю.

– Не надо, сестрички, что говорить об этом.

Они расстелили, взятую с собой, клеенку, уселись на нее.

– Маша, Таня, смотрите, бабушка с мешком идет, мешок, судя по всему, очень тяжелый, а шагает она легко и быстро, посмотрите.

– Видим, видим, старенькая совсем, а шагает бодро.

Старушка приблизилась к ним, сестры встали и хотели помочь ей скинуть мешок на землю.

– Спасибо, касатушки, я сама управлюсь.

Она ловко сбросила мешок и перевела дух.

– Э, да я вижу, весна вас совсем растрогала.

– Что Вы, бабушка, притомились мы немного, отдыхаем, воздухом весенним дышим.

– Не в усталости дело, молоды вы еще, чтобы от прогулок уставать, счастье ваше, касатушки, бродит по округе, да все найти вас не может.

– Что Вы, бабушка...

– Не перебивай старуху, хорошие вы, добрые, придется помочь вам и кожуцу разрушить, и камень отодвинуть.

Сестры переглянулись. Как могла слышать их разговор старушка, не было ее рядом, а говорили они очень тихо.

– Трудное это дело, может даже не получится, только истинная вера и надежда помогут вам, а теперь возьмите вот это.

Она порылась в своем мешке, достала три семечка.

– Посейте их, ухаживайте, вырастут три цветка, появят-

ся суженые, им их и подарите, глядишь, и устроится ваша жизнь. Только помните, терпение и любовь должны быть в ваших сердцах, помыслы добрые и мысли чистые.

Она протянула им семечки и исчезла.

– Не сон ли уж нам приснился? – нарушила молчание Маша.

– Один и тот же сон сразу троим, не снится, да и семечки не придуманы, вот они, – ответила Татьяна.

– Что ж, может и впрямь это наша судьба, – подвела итог Евдокия, – пошли домой, сделаем все так, как бабушка сказала, а там посмотрим.

Взяла каждая по семечку, идут, драгоценную ношу к груди прижимают. У дома каждая разрыхлила и удобрила свой пятак земли, бросила семечко в ямку и закрыла его землей.

– Только взойди, только взойди, – шептала каждая из них как молитву, – вырасти и дай цветок, а я буду делать все, чтобы помочь тебе.

– Сестрички, а мы бабушку за семечки даже не поблагодарили, – тихо сказала Таня.

– И то верно, давайте поблагодарим сейчас, может она услышит нас? – предложила Мария.

Они поклонились в сторону леса и поблагодарили незнакому старушку за заботу о них и за те семечки, которые они посеяли.

О, с каким нетерпением они ждали всходов? По несколько

раз в день подходили к своему пятакчу земли и разглядывали каждую новую травинку.

– Неужели не взойдет? – думала каждая с трепетом.

Но ростки проклюнулись, и стали дружно расти. Три росточка тянулись к солнцу и пробуждали надежды, которые они в последние годы хоронили в своих душах.

Боясь за судьбу своих ростков, сестры устроили возле них дежурства. С утра заступила на дежурство старшая сестра Маша. Она проверила, все ли ростки политы, убраны ли сорняки, в порядке ли маленькие оградки, которые они смастерили вокруг ростков. Все было в полном порядке, и она усе-лась на лавочку и стала читать толстую книгу. Солнышко поднималось все выше и выше, ее в конечном итоге размо-рило, и она задремала. А на улице мальчишки играли в мя-чик. Сначала они были далеко от дома сестер, но игра их так увлекла, что они оказались совсем рядом. Один из мальчи-шек запустил мяч, который залетел в палисадник, мало то-го, он попал прямо в один из ростков и сломал его. Это был Машин цветок.

– Тетя Маша, отдайте нам мячик, – крикнул мальчишка.

Мария встала, взяла мячик, посмотрела на него. Обида и злость на какой-то миг сдавили ей грудь, но уже через мгновенье она взяла себя в руки, подошла к ограде и выбро-сила мяч ребятишкам.

– Не судьба, что поделаешь? – прошептала она и подошла к цветку.

Сомнений не было, восстановить его уже было невозможно. Она хотела уже выдернуть росток, но у самой земли заметила маленький листочек, осторожно очистила около него землю.

– Пусть растет, может, что еще и вырастит?

Когда пришли сестры, они сразу почувствовали неладное.

– Маша, что случилось?

– Сестрички, дорогие, не судьба мне найти суженого, погиб мой цветок, будем беречь ваши, может у вас все будет хорошо.

Два оставшихся цветка росли за двоих. Они вытянулись, окрепли, уже наметились бутоны, Скоро, уже скоро должна решиться судьба двух сестер.

В этот вечер дежурила Татьяна. Она глаз не спускала с улицы, памятуя о несчастье старшей сестры. А беда пришла с другой стороны. Неожиданно подул сильный ветер, который в считанные секунды превратился в ураган. Сорванной с трубы железкой, как бритвой срезало ее цветок, забросало всяким мусором. Кинулась девушка к последнему цветку, заслонила собой от разрушительного ветра. Выбежали сестры из дома, ураган также быстро стих, как и налетел. Только ветер трепал еще кусты. Поняли сестры все, стали утешать бедняжку.

– Ах, сестрички дорогие, не судьба мне иметь свое счастье, пусть хоть Евдокия дождется своей доли.

Они убрали мусор и увидели, что на стебельке бывшего

Татьянинного цветка, остался один листочек.

– Оставь его, Таня, пусть живет, может не все еще потерян, может, вырастет что?

– Хорошо, пусть растет, – говорит, а слезы так и катятся из глаз.

Теперь единственная надежда охранялась пуще глаза. Сестры дыхнуть боялись на последний цветок. Никакая сила, казалось, не погубит его. Но и тут судьба отвернулась от сестер. Дежурила Маша в этот день. Подошла она к цветку, посмотрела, а листочки вроде бы вялые, да и головка наклонила у цветка.

– Неужели полить забыли?

Потрогала землю, нет, не забыли полить, влажная земля еще была. А тревога все растет и растет, гибнет цветок на глазах. Позвала сестер. Пришли, смотрят, цветок и впрямь невеселый стоит. Татьяна потрогала землю вокруг стебля, пальцы в одном месте так и провалились в какую-то норку.

– Сестрички милые, грызун какой-то прошел, погубил корни цветка, сказала Татьяна.

Цветок завял, только один листочек остался зеленым. Решили сестры его тоже оставить.

Незаметно пролетело лето, зарядили частые дожди, раскисли дороги, ни пройти, ни проехать. А три листочка трепещут на ветру, все им нипочем, ни дождь, ни ветер.

– Надо же, удивленно говорили сестры, живут, несмотря

ни на что.

Ушли Мария с Евдокией в соседнее село за покупками, осталась Татьяна одна в доме. Дел в деревне всегда много. Вытаскала она морковку из грядки, сидит на стульчике ботву обрезает.

– Хозяйка, а хозяйка, не дашь водички попить?

Смотрит, стоит у забора мужчина в военной форме. Встала, зашла в дом и вынесла кружку воды.

– Пейте на здоровье.

Мужчина взял кружку и стал жадно пить.

– Путь куда держите?

– Домой иду, красавица, три километра осталось, дойду как-нибудь. Ты прости, можно я посижу на вашей лавочке?

– Проходите, отдохните.

Она отворила калитку, мужчина, сильно прихрамывая, подошел и сел на лавочку.

– Совсем нога разболелась, рановато я на такое расстояние рискнул идти, но что поделаешь, мать ждет.

– А что с ногой- то?

– Зацепило осколком, врачи с трудом ногу спасли. Из армии комиссовали, дали пенсию.

– Зачем же пешком пошли?

– А какой дурак в наши края в такую погоду поедет?

Лавочка стояла у того места, где посажены были цветы. Посмотрела Татьяна на остаток от своего цветка, а листочек на нем так и трепещется, словно сказать хочет: “ Сорви ме-

ня». Рука так и потянулась к нему. Оторвался он легко. Приятный холодок прошелся по пальцам, легкая дрожь пробежала по телу.

– Пойду я, красавица, вроде немного легче стало.

– Легче, не легче, но провожу я вас до дома.

Взяла она его под руку одной рукой, в другую взяла нехитрые солдатские пожитки, и побрели они в его деревню. Не прошло и недели, пришли сваты от отставного солдата, попили винца да чайку и увели Татьяну из родного дома.

Не обошла стороной судьба и Евдокию. Ходила она проводить тетку в соседнее село, заночевала там. Утром рано ее как – будто кто – то в бок толкнул, вскочила она, быстренько собралась и, несмотря на уговоры тетки, пошла в свою деревню. Идти через лес надо было. Идет, смотрит человек у дороги лежит, не испугалась и подошла к нему. Думала уже мертвый, потрогала за руку, нет еще живой. Кое-как взвалила себе на спину и понесла к дому.

А человек этот работником предприятия из района оказался. Пошли они втроем на охоту, сезон открывали, выпили в лесу, но перебрали на радостях, потом по пьянке этого бедолагу и потеряли. В лесу он заблудился, а погода ночью в эту пору холодная как есть, замерзать стал, в довершение ко всему угодил в яму с водой. Не оказался Евдокия утром в лесу, так бы и сгинул человек. Отогрели, оттерли они его с Машей, вернули к жизни. Лежит он в постели, в себя приходит. А Евдокия вышла на улицу, смотрит, а ее листочек

от цветка так и бьется на ветру. «Сорви, сорви меня», – будто бы просит Евдокию. Протянула она руку, сорвала листочек.

К вечеру в деревню заявили его дружки, чтобы увезти в поселок. Они помогли ему одеться и привести себя в более или менее приличный вид. Он подозвал к себе Евдокию.

– Поправлюсь, приеду за тобой, знать судьба ты моя.

И действительно, через две недели приехали сваты, попили винца, попили чайку и увезли с собой Евдокию.

Не осталась одинокой и Мария. Поехала она в райцентр по делам, думала управиться за день, но не успела, устроилась на ночлег в гостиницу. Ужинать пошла в местную столовую. Когда заходила, увидела у входа на лавочке мужичка. Уж больно жалкий вид был у него, поэтому и обратила на него внимание. Сидит, ест свой скромный ужин, а тот мужичок из головы не выходит. Поела и вышла на улицу, посмотрела на лавочку, а мужичок все сидит. Подошла к нему, поздоровалась. Сразу отметила про себя, что уж больно не по погоде одет он, хотя и костюмчик и рубашка, и ботинки были приличные.

– Вам не плохо? – спросила она мужчину.

– Хуже некуда, ответил он, – а сам смотрит на нее так жалобно, что Мария неожиданно для самой себя пригласила его с собой в гостиницу.

Там он ей рассказал, что выгнали его из дома жена с тещей. Прожили они с женой пятнадцать лет, все эти годы он

только и слышал от них упреки за то, что по службе не продвигается, что застрял в этом поселке. Сам он из областного центра, после окончания института был направлен на местную фабрику, женился, жил в тещином доме, вчера работника из его отдела перевели на работу в город, это и стало причиной выселения его по сути дела на улицу. Проговорили они всю ночь, а утром уехали в деревню к Марии. Там и был сорван ею последний листочек.

Через несколько лет пришлось побывать мне в той деревне. В доме у Марии, она жила в нем со своим мужем, было очень шумно. Сестры присылали на лето в деревню своих детей, а их было уже четверо. Перед домом благоухал различными цветами палисадник.

– Это георгины для Татьяны, муж каждую осень преподносит ей огромный букет этих цветов, ромашки для Евдокии, это их цветы с мужем, – поясняла мне Мария.

– А розы для Вас, – выразил я свою догадку при виде очаровательных красавиц.

– Нет, это для всех, а для меня муж иногда собирает синенькие незабудки, они нам обоим нравятся.

Я пожелал им всего хорошего и пошел своей дорогой. Счастливые люди, а это хорошо, счастье поздним не бывает, верить в него надо и не проходить мимо.

Елизавета

Город наш славился испокон веков хорошими поварихами. Умеют местные женщины печь не только отменные пироги и ватрушки, не менее вкусными получаются у них наваристые щи и супы, а уж про селянку и говорить нечего, но особенно удаются им мясные блюда. Откуда у них это умение, кто передал им секреты приготовления блюд? Эта загадка мучила меня, и я старался разгадать ее любыми правдами и неправдами. Шли годы, но все мои старания были напрасными, я стал терять уже всякую надежду на то, что разгадаю эту тайну, но неожиданно мне повезло.

Как—то собрался я навестить моего старого приятеля, который жил в глухой деревушке. Выехал я уже под вечер, приехать засветло не успел, заблудился. Как на грех стал накрапывать мелкий дождик, дорога стала раскисать, я чуть не застрял в одной луже. Как же я обрадовался, когда увидел тусклый огонек в одном оконце. Это оказался домик лесника. Я попросился на ночлег, меня любезно впустили. Какое это блаженство сидеть и пить чай из самовара с удивительными по вкусу пончиками.

– Вы очень хорошо готовите, – сказал я хозяйке.

– А как же, нас готовить учила сама девица Елизавета.

– А кто она такая?

– Э, милый, давно это было, мне рассказывала о Елизаве-

те моя бабушка, а ей ее бабушка, а той бабушке еще бабушка и так до самого начала. Забываться уже кое- что стало, память не та, годы – то тикают.

– А Вы расскажите, пожалуйста.

И она поведала историю, которую я постараюсь рассказать вам так, как я ее запомнил, а если что и упустил, кто – то потом добавит.

– За нашим лесом, верст сорок отсюда будет, начинается Еськин врак, овраг, по-вашему, будет. Когда – то в нем жила ужасная Еська.

– Это что – то вроде колдуньи? – спросил я.

– А ты не перебивай, – она вздохнула и продолжила, – что колдуньи, они напакостят людям и сидят себе в своих норах, ждут, когда к ним случайный прохожий заявится. А Еська сама приходила к людям, отыскивала прилежную и работающую девчущку лет 13 – 15 и уносила в свой врак. Целый год бедняжка трудилась на нее, а через год Еська справляла свои именины, на которые сама готовила мясное блюдо. Каждый год это разное было блюдо, но одно в нем было обязательным – это душа девчущки. Она вынимала накануне у нее ночью душу и запекала в свое блюдо. Ты сам, милоч, не раз слышал, как про самое вкусное блюдо говорят: ” С душой приготовлено». Девушку она потом отпускала, но та не помнила, где была, что делала, чему училась. Характер у нее при этом резко менялся. Она становилась грубой, бессердечной, сварливой, и, в конце – концов, превращалась в обычную ведьму.

Приглянулась Еське девушка четырнадцати лет, которую звали Лизой. Она была единственным, поздним ребенком у родителей. А уж, какая была она заботливая да работающая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Матушка порой старалась урезонить ее, но куда там.

– Что ты все работаешь и работаешь, шла бы погулять с подружками, мы с батюшкой все сами сделаем.

– Что ты матушка, как я пойду гулять, когда двор еще не подметен?

Покачает мать головой, что с ней поделаешь, коли такая уродилась?

Пошла Лиза однажды малину собирать. День погожий, малины в саду много, быстро наполнялось лукошко. Собирает, песню поет, а голос у нее звонкий и чистый был, что тебе соловушка трели выводит. Нагнула она очередной куст, а за ним женщина появилась. Испугалась Лиза, но было уже поздно, женщина накинула на нее черный платок, и пропали они вместе, только лукошко под кустиком осталось.

Мать у дома была, она слышала, как дочь пела, а на сердце тревога присутствовала. Замолчала дочь, мать бросилась к малиннику. Прибежала, лукошко с малиной стоит, а от дочери и след простыл. Слышала она не раз о Еське, но не верилось ей, что существует такая в округе. Зарыдала несчастная, упала на землю, волосы на себе рвет, да только горю этим не поможешь.

Пришел батюшка домой, узнал о несчастье, лет на десять

сразу постарел. Утром собрался, взял топор и пошел в этот ужасный врак. Только напрасно все это было, облазил все кругом, но так и не нашел следов. Лишь легкий туман клубился по дну этого ужасного врака, да время от времени пролетали вороны над ним.

– Хороша, хороша девица, – ворчала тем временем Еська, – будешь у меня работать, если останусь довольна, отпущу через год домой, а сейчас иди, я устала очень, тебе суслик покажет, что надо делать.

Суслик ждал ее у дверей. Это был не тот маленький суслик, которого мы, будучи мальчишками, не раз загоняли в нору, а потом наливали в нее воду и выгоняли на поверхность. Это был холеный, с собаку ростом зверь, который стоял на задних лапах и ростом был не меньше Елизаветы. Работы он надавал ей немало. При этом предупредил, что если она не управится или сделает что—то плохо, он укусит ее своими острыми зубами. Для острастки он показал ей свои острые зубы.

Лиза должна была убирать многочисленные комнаты, готовить обед для Ески, стелить ей постель, стирать белье и прочее, прочее, прочее. За работу она принялась сразу. Уборки, стирки, постели и прочее было для нее привычным делом, а вот готовить она толком еще не умела, поэтому изрядно оробела, когда пришла на кухню. Еще больше она оробела, когда увидела там Еську.

– Я ем только хорошо приготовленную пищу, готовить те-

бя научит эта поварешка, если не будешь слушать ее, будешь жестоко наказана.

Она показала пальцем на поварешку и исчезла.

Дела и на кухне пошли у Елизаветы хорошо. Приготовленные блюда Еськи нравились, Елизавету никто не наказывал.

Суслик показал ей место, где она должна будет спать. Это была небольшая коморка, на полу валялся топчан, укрываться она должна была дырявым одеялом. Елизавета так уставала, что ей было все равно, на чем и как спать, лишь бы быстрее лечь и успеть отдохнуть от этой работы. Только она легла и не успела даже закрыть глаза, как услышала тоненький голосок.

– Лиза, а Лиза, ты не принесла корочку хлебушка?

Она посмотрела по сторонам и увидела маленькую мышку.

– У меня ничего нет, – ответила она с сожалением, я принесу завтра.

– Ты положи корочку в свои волосы, а то суслик найдет и накажет тебя.

– Хорошо, мышка, а сейчас я хочу спать, я очень устала.

– Спи, Лиза, спи.

Мышка махнула лапкой, Елизавета моментально заснула, утром она проснулась ровно в назначенное время. Вечером она спрятала в волосы корочку хлеба и небольшой кусочек сыру. Суслик ничего не заметил. Мышка ее уже ждала.

– Спасибо, Лиза, мы три дня ничего не ели, ты спасла нас от голода.

Так с того вечера и повелось. Елизавета приносила еду мышке, та укладывала ее спать, а утром будила ровно в назначенное время. Попроще стало Лизе справляться с прочими делами. Она все так хорошо делала, что на другой день ей оставалось только что – то подправить, на что уходило значительно меньше времени.

Прошло полгода, Еська не сделала ей ни одного замечания. За это время она научилась хорошо готовить. Однажды варила она суп. Поварешка ей, как всегда, подсказывала, что надо делать.

– Послушай, а если мы добавим в суп вот эту травку, он станет еще вкуснее, – предложила Лиза.

– Да ты что, а если Еське суп не понравится, она нас обоих накажет.

Лиза сварила суп по – своему и отнесла хозяйке. Та попробовала, суп ей очень понравился. С этого дня она стала в отдельные блюда добавлять что – то свое.

– Теперь я тебе не нужна, – ворчала беззлобно поварешка, – ты не только всему от меня научилась, но и сама стала знатным поваром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.